

ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ И НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

А. И. Чвикалов

Институт социального образования

Поступила в редакцию 23 июня 2016 г.

Аннотация: освещается деятельность городских самоуправлений Центрального Черноземья по обеспечению доступности образования для детей малообеспеченных родителей, расширению сети учебных заведений, совершенствованию практики руководства ими самоуправлений.

Ключевые слова: городские самоуправления, Центральное Черноземье, народное образование, благотворительность, общества вспомоществования учащимся, строительство школ и гимназий.

Abstract: this article deals with the city's self-government's activity concerning the availability of education for children from poor families. The author also considers broadening of educational institution system and improvement of its management by local-government.

Key words: city's self-government, Black Soil Region, people's education, charity, student aid societies, building of schools and gymnasias.

В исторической литературе деятельность городских самоуправлений по развитию народного образования не получила достаточного отражения. Данный аспект, как правило, рассматривается в общем контексте исследования истории городов, без выявления в нем специфической роли городских самоуправлений. Исключение представляет работа П. А. Попова, в которой на материалах городской думы и управы выявляются позиции гласных по вопросам организации тех или иных видов учебных заведений [1].

Специфика деятельности городских самоуправлений по развитию народного образования была связана с тем, что городской социум в отличие от сельского, где функционировало земское самоуправление, отличался большим расслоением населения, динамизмом общественной жизни, особой структурой самоуправлений.

В деятельности городских самоуправлений по развитию народного образования прослеживается два направления. Одно из них охватывало оказание помощи в получении образования детьми из малообеспеченных семей, второе было нацелено на решение общих задач руководства народным образованием.

Во второй половине XIX в. в связи с ростом престижа грамотности как социально значимой ценности усилилась тяга городского населения к получению образования. Дать его своим детям стремились все слои населения. Но особенно трудно было достигнуть этой цели многодетным и малообеспеченным роди-

телям. При этом складывалась парадоксальная ситуация. Чтобы ребенок из такой семьи смог получить начальное образование, он должен был попасть в детский приют.

Анализ заявлений, поступающих в городские управы от малообеспеченных многодетных матерей в середине 1870-х гг. с просьбой оказать им помощь в обучении детей, показывает, что в конечном счете их смысл сводился к тому, чтобы определить подрастающих детей в городские приюты. Если ребенок поступал в приют, то городское самоуправление автоматически брало на себя ответственность за его обучение.

Особенно характерны в этом плане заявления, поступающие в Орловскую городскую управу. Например, мещанка Н. Г. Полякова писала, что из имеющих у нее семи малолетних детей одна дочь Александра уже была два года назад принята «вольноприходящей» в детский приют на Курской улице. Теперь Н. Г. Полякова просила зачислить в этот же приют следующую дочь, Пелагею, которая достигла 10-летнего возраста, «для обучения грамоте и рукоделию» [2, л. 68].

Так как мест в приюте для всех желающих не хватало, то родители, просящие за своих детей, ссылались на свои заслуги. Например, Е. П. Желудкова, ходатайствуя о зачислении своей дочери в благотворительное учреждение, ссылалась на то, что в русско-турецкую войну она «находилась в течение 1877–1878 гг. сиделкой при Красном Кресте» [там же, л. 83].

Обучение детей бедных мещан в приютах нередко приобретало драматический характер в связи с тем, что желание родителей обучить детей не всегда со-

впадало с намерениями обучаемых. В этом случае наиболее четко вырисовывались позиции по отношению к образованию родителей и управы, и в целом болевые точки в организации обучения детей. 4 июня 1909 г. в Орловскую городскую управу поступило прошение мещанки А. М. Пузановой – вдовы, матери шестерых малолетних детей: Елены 13 лет, Серафимы 12 лет, Веры 9 лет, Александра 8 лет, Ивана 7 лет и Виктора 4 лет. В связи с тем, что она находилась «в услужении за малое содержание» и не могла без посторонней помощи снарядить и обеспечить их обучение в школе, она просила управу определить Александра и Ивана в приют, чтобы там они смогли получить начальное образование. Через пять лет, 18 августа 1914 г., вдова вновь обратилась в Орловскую городскую думу с заявлением, что она берет своих сыновей, Александра и Ивана, из приюта «ввиду того, что Александру, оставленному в третьем классе на второй год, – как отмечала заявительница, – бесполезно продолжать одно и то же. Так как грамота ему далась плохо, то желаю определить его на должность. Так же и Ивана. Несмотря на все мои убеждения, он положительно отказался учиться, а желает идти к хозяину в услужение...» [там же, д. 1116, л. 12]. Однако управе удалось убедить мать, чтобы Александр продолжил учебу. Наконец 26 июня 1917 г. в городскую управу последовало третье заявление вдовы, в котором она просила «сдать мне, матери, сына моего Александра из городского приюта на мое материнское попечение с принадлежащей ему обувию и одеждою» [там же, л. 14]. Для того чтобы иметь возможность посещать школу, нужно было как минимум иметь обувь и одежду. Нередко из-за этого детям из малообеспеченных семей школа была недоступна. В рассмотренной ситуации именно это волнует многодетную мать, которая забирает сына из приюта под свою опеку. Городское самоуправление координировало прием детей в приюты, помогало материально малообеспеченным родителям. Непосредственную работу в этом направлении вели специальные комиссии. Учитывая значительную социальную потребность горожан в предоставлении им больших возможностей для обучения своих детей, усиливалось внимание к тем структурам городского общества, которые непосредственно занимались оказанием помощи нуждающимся учащимся.

Наибольшее распространение в городах региона получили общества вспомоществования нуждающимся ученикам, спрос на которые особенно возрос во второй половине 1890-х гг. Страна, пережившая потрясения, связанные с неурожаем начала 1890-х гг., особенно нуждалась в социальной взаимопомощи. Из 9 обществ помощи нуждающимся учащимся, которые действовали в конце XIX – начале XX в. в Воронежской губернии, 7 были образованы в 1897–

1898 гг. [3, л. 73–79]. Инициаторами их создания, как правило, выступали гласные городских дум, члены управ, и прежде всего городские головы. И это не случайно: в практику городских самоуправлений все в большей мере входило правило, по которому городские головы добровольно возлагали на себя обязанности по курированию указанных структур. По данным Курской губернии, в 1902 г. из 16 городских голов 6 (37,5 %) являлись членами уездных училищных Советов городских гимназий, других учебных заведений [4, л. 98–112].

Если задачи, связанные с социальной помощью малообеспеченным учащимся, решались городскими самоуправлениями опосредованно, прежде всего через систему обществ вспомоществований, то проблемы общего характера, такие как выбор профиля школы или училища, обеспечение их учебными площадями, наем учителей, определение им жалованья и в целом финансирование школьного дела, решались непосредственно городскими думами и управами.

Городские самоуправления выбирали наиболее нужные и важные с их точки зрения училища и школы, которые нужно было открывать в первую очередь. В начале 1870-х гг. в городах Центрального Черноземья возникла острая проблема нехватки квалифицированных рабочих. Примечательно, что городские самоуправления, решая задачи подготовки квалифицированных рабочих, особенно пристальное внимание обращали на необходимость нравственного воспитания обучаемых, справедливо полагая, что данный фактор имеет определяющее значение для воспитания у будущих работников таких качеств, которые не позволяли бы им недобросовестно относиться к порученному делу. Например, тамбовская городская дума в своем решении от 17 декабря 1873 г., мотивируя необходимость открытия в городе ремесленного училища, указала на «недостаток хорошо знающих свое дело ремесленников и крайне низкое нравственное состояние ремесленного класса» [5, л. 14]. Самоуправление видело в качестве одной из целей обучение в училищах мальчиков «в религиозно-нравственном направлении» [там же].

Насущной задачей городских самоуправлений являлась проблема поиска учебных площадей для начальных и средних учебных заведений. Думами в этом плане приходилось решать две взаимосвязанные задачи: найти необходимые денежные средства и подобрать удобное, желательно не очень дорогое, помещение для учебных занятий. Непосредственно эти вопросы решали управы или комиссии по народному образованию, которым давались инструкции по условиям найма помещений и которые затем отчитывались о проведенной работе. Например, 31 октября 1874 г. Нижнедевицкая дума поручила управе «оста-

вить в доме г-жи Мерзляковой женское училище до окончания контракта и договориться заблаговременно подыскать квартиру для училища» [6]. В декабре 1874 г. дума поручает управе нанять дом у купца Миронова для приходского училища «на условиях прежнего арендования» [там же].

Поиск и наем городскими самоуправлениями «квартир» (по терминологии того времени) для училищ продолжались и в начале XX в. 27 июля 1908 г. орловская комиссия по народному образованию в своем отчете указывала, что она «подыскала удобную квартиру для 3-го приходского училища, воспользовавшись предложением г. Назаревского, пожелавшего отремонтировать заново верхний этаж своего каменного дома... и отдать его в аренду городу сроком на 5 лет с платою по 600 руб. в год с отводом части двора в пользование училищем» [7, л. 54]. Далее комиссия указала, что после осмотра помещения она пришла к выводу, что оно «вполне соответствует назначению, в нем имеется и квартира для заведующего училищем, а назначенная аренда нисколько не преувеличена» [там же]. Комиссия предложила перевести училище из дома приюта в указанное помещение. Но в связи с быстрым ростом численности населения Орловская дума уже через три года опять столкнулась с проблемой нехватки учебных площадей. В августе 1910 г. Комиссия по народному образованию доложила думе, что в женское училище в 1-й класс было принято 59 учениц, а 158 желающим учиться пришлось отказывать «за неимением помещения». Комиссия в связи с этим просила разрешить занять под учебные классы все рекреационные площади училища [там же, л. 53].

На помощь городским самоуправлениям в строительстве учебных зданий приходило правительство. Однако процедура получения средств на эти цели была сложной и длительной. Новым явлением для 1890-х гг. стало то, что в процессе обращения самоуправлений к государственным структурам за оказанием помощи, в частности в деле школьного строительства, они в большей степени стали опираться на общественное мнение.

Данный аргумент использовался и губернаторами, которые непосредственно апеллировали к правительственным ведомствам за разрешением подобных вопросов. 19 января 1898 г. курский губернатор в своем письме в Департамент народного просвещения указывал: в августе 1897 г. Белгородская городская управа уведомила его, что «на имя Белгородской городской думы поступили заявления нескольких жителей г. Белгорода о том, что дети их, окончив успешно курс в городских приходских училищах и удовлетворительно выдержав испытание на поступление для дальнейшего образования в Белгородское уездное училище, не были приняты в число учеников един-

ственно по недостатку в нем помещения, так как первый класс названного училища по размерам своим может вместить только 25 учащихся» [8, л. 1]. Тот факт, что губернатор и городское самоуправление при обращении к правительственной структуре прибегали к общественному мнению, свидетельствовал о его эффективности.

Другим важным аргументом Белгородской думы при обосновании своих претензий на необходимость правительственной помощи явился факт несоразмерности затрат на народное образование, которые производятся на местном уровне, и затрат на общегосударственные нужды. На учебные потребности, в том числе на содержание уездного училища, отмечала дума, ежегодно выделяется 19 522 руб., «оставшаяся же часть городского бюджета вся без остатка исчерпывается другими потребностями города, в числе которых потребности чисто казенные и общегосударственные – по содержанию местного и центрального управления МВД и на расквартирование войск – поглощают ежегодно из городских средств сумму до 234 420 руб.» [там же, л. 1–2]. Апеллируя к правительству, дума указывала, что и потребность в народном образовании «есть потребность общегосударственная» [там же, л. 12].

В итоге обсуждения данного вопроса дума пришла к выводу, что удовлетворение просьбы горожан возможно только путем расширения помещения училища настолько, чтобы «первый класс его мог вмещать до 40 учеников» [там же, л. 3].

Механизм прохождения ходатайства Белгородской думы в правительственных инстанциях был довольно сложным. Только через 10 месяцев после поступления в Министерство народного просвещения данного ходатайства оно было адресовано в Харьковский учебный округ с предложением проверить, соответствуют ли приведенные думой факты действительному состоянию Белгородского училища. В декабре 1898 г. попечитель Харьковского учебного округа доложил в Министерство народного просвещения, что Белгородское училище помещается в двух двухэтажных казенных зданиях, соединенных переходом. С 1895/96 учебного года особенно стало увеличиваться количество учащихся, и в классах, рассчитанных на 25 детей, стало заниматься по 44 [там же].

18 февраля 1899 г. министр просвещения сделал запрос министру финансов С. Ю. Витте «об отпуске из казны 8422 руб. 96 коп. на расширение помещения Белгородского уездного училища». 12 апреля 1899 г. данный вопрос был рассмотрен на заседании Государственного Совета в Департаменте государственной экономии, который «мнением положил: отпустить из государственного казначейства 8422 руб. 96 коп. на перестройку и расширение здания Белгородского

уездного училища с обращением этой суммы на счет нормального строительного кредита, ассигнуемого по сметам Министерства народного просвещения 1899–1901 гг.» [там же, л. 19]. Данный документ подписали М. Каханов, В. Маркус, Н. Чихачев, М. Галкин-Враской, Ф. Тернер, П. Лобко, Н. Шидловский, В. Череванский, Н. Боголепов, А. Иващенко, В. Ковцев [там же].

Приведенный пример свидетельствует, во-первых, об усилении влияния общественного мнения на характер принимаемых решений по общегородским делам и, во-вторых, о росте самоидентификации городского самоуправления, осознания им своей роли как субъекта, призванного отстаивать интересы жителей города.

Важным направлением в руководстве городскими самоуправлениями народным образованием стали их деятельность по найму учителей, определению их штатного состава, размера жалованья, а также улаживание конфликтов в учительской среде. Характер такого руководства осуществлялся опосредованно, прежде всего через попечителей.

Так как учебные заведения, прежде всего гимназии и реальные училища, финансировались совместными усилиями государственной казны и местных самоуправлений, то количество попечителей, как правило, было пропорционально денежным средствам, вложенным той и другой сторонами. В январе 1883 г. директор Московского учебного округа в письме Орловскому городскому голове указывал: в связи с тем что Александровское Орловское реальное училище содержится на совместные средства казны и Орловского городского общества, то избрание членов попечительства должно производиться на основе такого порядка: 5 человек избираются городским обществом, а остальные 5 человек «должны быть рекомендованы мною окружному управлению из местных почетных лиц для назначения их членами [опеки] от Министерства народного просвещения» [9, л. 1].

Думы стремились к тому, чтобы даже в том случае, если их вклад в финансирование реального училища или гимназии был незначительным, а основную роль в финансировании играло государство, извлечь максимальную выгоду для своих горожан. В таком случае местные интересы сталкивались с общегосударственными. Например, Елатомское городское самоуправление в 1907/08 учебном году вносило в финансирование гимназии довольно скромную лепту – на 91,0 % гимназия финансировалась государством. И хотя в составе учащихся более половины (58,3 %) являлись жителями Елатьмы, городская дума 14 января 1907 г. постановила ходатайствовать перед Министерством народного просвещения «о преимущественном праве поступления в гимназию

детям местных жителей г. Елатьма перед учениками отдаленных местностей за переполнением гимназии...» [10, л. 3]. К данному ходатайству присоединилось земство, от имени которого выступили уездный предводитель дворянства князь Н. Н. Гагарин, а также князь П. А. Кильдишев, Н. П. Малевинский и С. В. Воейков [там же]. Елатомская дума связала вопрос дальнейшего финансирования гимназии с решением выдвинутого предложения.

Такая позиция самоуправления г. Елатьма свидетельствовала о его стремлении найти выход из затруднительного положения, связанного с нехваткой мест для учащихся, на основе запрета поступать в гимназию иногородним детям, что по существу являлось неправомерным, тем более что гимназия, как отмечалось выше, финансировалась в основном государством.

С 1870-х гг. наблюдалась тенденция увеличения доли вклада городских самоуправлений в финансирование учебных заведений. Например, расходы на эти цели Воронежским городским самоуправлением в 1877–1881 гг. в среднем составляли 9,9 %, в 1882–1894 гг. – 11,4 %, в 1894–1905 гг. – 13,8 % [1, с. 361–364]. Указанный прирост финансирования был вполне естественным, так как он определялся увеличением количества учащихся и учителей.

В погубернском плане доля вклада городских самоуправлений в народное образование в среднем за 1890–1895 гг. составила в Орловской губернии 14,5 %, Тамбовской – 13,5 %, Курской – 9,3 % и Воронежской – 8 % от общих вложений на эти цели различных ведомств и учреждений [11, с. 155]. В этот период в каждой губернии имелась своя специфика соотношения вклада каждой структуры в финансирование образования. Но в целом в среднем по 4 губерниям в его финансирование земства вносили 45 %, сельские общества – 18,8 %, городские самоуправления – 11,4 %, казна и частные жертвователи – по 8,9 %, плата за обучение составляла 7 % от суммы финансирования [там же]. Приведенные данные свидетельствуют о том, что основную нагрузку по финансированию низших учебных заведений несли земства и сельские общества, так как большая часть их расходовалась в сельских поселениях.

Контингент учебных заведений, их учительский состав, которыми непосредственно руководили и с которыми взаимодействовали городские самоуправления, по данным на начало XX в. приведены в табл. 1.

Как следует из табл., по количеству учащихся и учителей наиболее высокие показатели были в Воронежской губернии: соответственно – 40 234 и 1117. В то же время с точки зрения обеспеченности населения учебными заведениями в наиболее благоприятных условиях находилась Орловская губерния, что

в значительной степени было связано с ее экономико-географическим расположением, в том числе близостью к Москве, разветвленной железнодорожной сетью, концентрированностью населенных пунктов, наличием крупных промышленных и купеческих центров. Городские думы Орла и таких городов, как Брянск, Елец, Ливны, Карачев, Бежица, опираясь на имеющиеся благоприятные возможности и оптимально используя свой организационный потенциал, добились значимых показателей в расширении сети учебных заведений, увеличении численности учащихся.

Таблица 1

Учебные заведения в городах
Центрально-Черноземных губерний в 1910 г.
[12, с. 458–465]

Губернии	Всего учебных заведений	В них		Жителей на одно учебное заведение
		учителей	учащихся	
Воронежская	266	1117	40 234	2189
Курская	202	892	26 117	1747
Тамбовская	205	1030	28 374	1991
Орловская	369	972	27 966	1545
Итого	1042	4011	122 691	7472

Особенностью Курской губернии, где обеспеченность жителей учебными заведениями в городах была несколько ниже, чем в Орловской, состояла в том, что здесь сложилась ситуация некоего двоецентриа: Белгород по наличию учебных заведений практически находился на одном уровне с Курском, где их было 36, а в Белгороде – 35 на 870 учащихся [там же, с. 460–461]. Рост численности учебных заведений и количества в них учащихся в Белгороде во многом следует отнести на счет активной позиции городской думы в решении данных задач и значительных финансовых вложений города.

Из других уездных городов Курской губернии, добившихся создания значительного числа учебных заведений, следует отметить Старый Оскол и Рыльск, в которых их насчитывалось по 13 в каждом [там же].

Особенностью распределения учебных заведений в городах Тамбовской губернии явилось то, что здесь в большинстве было достигнуто практически равномерное их распределение. На общем фоне выделялись лишь Тамбов – 43 учебных заведения, Борисоглебск – 31, Козлов – 27 и Липецк – 17 [там же, с. 463–465]. В Усмани, Шацке, Кадоме, Лебедяни их было по 10. В остальных 6 городах их количество колебалось от 5 до 17 [там же].

Воронежская губерния по характеру распределения учебных заведений также имела свою специфику. Главное состояло в том, что более четверти учебных заведений (25,9 %) от их общей численности, расположенных в городских поселениях, находилось в

губернском центре [там же, с. 458–459]. В то же время данный показатель в Орловской губернии составлял 10,2 %, Курской – 17,8 %, Тамбовской – 20,9 % [там же, с. 458–465].

Другой особенностью, связанной с соотношением количества школ и численностью населения, явилось то, что в Воронежской губернии на одно учебное заведение приходилось большее количество населения, чем в среднем по 4 губерниям региона. Данное обстоятельство в определенной степени объяснялось ее экономико-географическим положением [там же].

Конфигурация губернии, вытянутая с севера на юг, расположение центра в северной окраинной части ее территории, отсутствие железнодорожной связи между северной и южной частями (попытки земства использовать для этой цели Дон к успеху не привели) затрудняли социально-культурное развитие, в том числе школьное строительство в южных уездах губернии. Не случайно даже в таких крупных населенных пунктах юга, как Бутурлиновка, Калач, Ольховатка, Россошь, по данным на 1910 г. не удалось открыть средние учебные заведения [там же, с. 458]. Исключение в этом плане составляли Богучар и Павловск, в которых находилось по 2 средних учебных заведения [там же].

Все указанные выше особенности экономико-географического расположения городов и в целом губерний в той или иной степени приходилось учитывать городским самоуправлениям, преодолевать возникающие в связи с этим проблемы.

Уже с 1880-х гг., когда в полной мере могла сказаться позитивная деятельность городских самоуправлений, начал заметно возрастать уровень грамотности населения. Особенно наглядно виден данный процесс на примере новобранцев, о чем свидетельствует табл. 2.

Таблица 2

Рост количества грамотных среди новобранцев в губерниях Центрального Черноземья в 70-90-е гг. XIX в. [11, с. 134]

Губернии	Процент новобранцев ко всему числу призыва								
	I. Неграмотных			II. Грамотных					
				со свидетельствами учебных заведений			умеющих читать и писать или только читать		
1876	1888	1898	1876	1888	1898	1876	1888	1898	
Воронежская	86,2	74,5	56,5	0,7	4,4	13,0	13,1	21,1	30,5
Курская	83,6	71,7	54,2	0,8	4,9	11,4	15,6	23,4	34,4
Орловская	80,6	69,7	47,8	1,3	6,8	11,8	18,1	23,5	40,4
Тамбовская	87,1	75,9	53,0	1,2	3,8	12,4	11,7	20,3	34,6
В среднем по региону	84,4	72,9	52,9	1,0	5,0	12,2	14,6	22,1	35,0

Как следует из табл. 2, в целом по губерниям Центрального Черноземья количество неграмотных с 1878 по 1898 г. среди данной категории населения сократилось с 88,4 до 52,8 %. Количество лиц, имевших свидетельства об окончании учебных заведений, выросло за это время с 1 до 12,2 %, умеющих читать и писать или только читать – с 14,6 до 35 %.

Таким образом, благодаря деятельности городских самоуправлений народное образование приобрело, во-первых, более доступный характер для малообеспеченных слоев населения; во-вторых, усовершенствовалась система его управления, главным вектором развития которой стало взаимодействие гласных, и прежде всего городских голов, с общественными структурами, непосредственно связанными с учреждениями народного образования, училищными и попечительскими советами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попов П. А. Городское самоуправление Воронежа. 1870–1918 / П. А. Попов ; науч. ред. А. Н. Акиншин. – Воронеж : Кварта, 2006.

*Институт социального образования
Чвикалов А. И., кандидат исторических наук, доцент
E-mail: avtlit@rambler.ru
Тел.: 8 (473) 254-70-73*

2. Государственный архив Орловской области. – Ф. 17. – Оп. 1. – Д. 9.

3. Памятная книжка Воронежской губернии за 1908 г. – Воронеж : Губернский статистический комитет, 1908.

4. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1288. – Оп. 5. – Д. 54.

5. Государственный архив Тамбовской области. – Ф. 143. – Оп. 1. – Д. 4078.

6. Воронежские губернские ведомости. – 1875. – 8 янв.

7. Государственный архив Орловской области. – Ф. 593. – Оп. 1. – Д. 1074.

8. Российский государственный исторический архив. – Ф. 733. – Оп. 174. – Д. 1184.

9. Государственный архив Орловской области. – Ф. 593. – Оп. 1. – Д. 673.

10. Государственный архив Тамбовской области. – Ф. 24. – Оп. 1. – Д. 100.

11. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества : в 11 т. – СПб. : Изд-во А. Ф. Девриена, 1902. – Т. II.

12. Города России в 1910 г. – СПб. : Гос. стат. комитет, 1911.

*Voronezh University of Social Education
Chvikalov A. I., Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor
E-mail: avtlit@rambler.ru
Tel.: 8 (473) 254-70-73*